

Золотые узоры пионов на табличке сияли в лучах солнца. Это была ещё одна особенность Сада Пионов — вместо иероглифов использовались изображения.

Чэнь Цянь вышел и увидел Чжан Чжичэна, ожидавшего у повозки. Тот выглядел потрёпанным, будто только что участвовал в схватке.

Его красное лицо красноречиво говорило о том, что с ним произошло.

Чэнь Цянь внимательно осмотрелся, но не почувствовал ожидаемого присутствия. Возможно, ему показалось.

Му Яо, стоявший позади, приподнял бровь, глядя на Чжан Чжичэна, а тот сделал вид, что не заметил.

На обратном пути Му Яо начал рассказывать Чэнь Цяню о своих приключениях за последние четыре года.

О том, как он попал в совет старейшин, как сверг Ван Сычжи, поддерживавшего старшего брата Ван Цзиньюаня, как помог Ван Цзиньюаню победить в борьбе за власть... Он рассказывал до тех пор, пока не дошёл до момента, когда Ван Цзиньюань стал главой семьи, что произошло примерно два года назад.

Его рассказ был чётким, темп — неспешным, и он умело опускал опасные моменты. Чэнь Цянь сделал вид, что не заметил этого. Му Яо был гордым и упрямым, но его мягкая оболочка была настолько убедительной, что могла обмануть кого угодно.

Но Чэнь Цянь видел всё насквозь.

— Постоялый двор «Кэлай» — твой. — Это был тот самый постоялый двор в Цзиньчэне, где остановился Чэнь Цянь. Он не хотел проверять ученика, просто не хотел, чтобы тот больше скрывался.

Му Яо как раз скромно хвастался, когда услышал слова учителя.

— Да, разве я не молодец? — Он легко признал это.

— Мм, молодец. — Самодовольный вид ученика был настолько редким, что Чэнь Цянь почувствовал умиление в сердце. Он ещё не осознал, как рука сама собой потянулась погладить его по голове, растрепав аккуратно уложенную причёску.

Казалось, что-то изменилось после того, как он сказал: «Дай учителю обнять тебя».

Му Яо не рассердился, а лишь покраснел:

— Я уже взрослый.

— Мм. — Чэнь Цянь не стал спорить.

Учитель хотел быть с ним ещё мягче, ещё добрее. Хотел больше баловать.

— Если учитель захочет, мы можем чаще бывать в Саду Пионов. — Сказал юноша с улыбкой на лице.

— Хорошо. — Согласился Чэнь Цянь.

— Учитель такой хороший.

Мужчина молчал. Разве это было действительно хорошо?

Ая просил так мало.

На мгновение он возненавидел себя за то, что когда-то ушёл, избегая проблем. Как он мог быть таким эгоистичным, когда Ая был в такой трудной ситуации...

Но если бы всё повторилось, что бы изменилось? У всего есть свои приоритеты, и он не мог бросить Тао Чжо.

Поэтому не было смысла сожалеть. Будущее было важнее.

Все изменения в выражении его лица Му Яо видел. Глаза юноши были глубокими, как спокойное море.

У ворот Лояна их снова никто не остановил, и повозка легко въехала в шумный мир людей.

Когда городской шум накрыл их, Чэнь Цянь, успокоенный тишиной у городских стен, наконец осознал, что они вернулись.

Иногда шум был более успокаивающим, чем чрезмерная тишина. Это было то, что Чэнь Цянь невольно подумал.

Почувствовав присутствие перед повозкой, даже такой терпеливый учитель, как он, нахмурился.

— Береги руку. — Сказал он Му Яо, повторяя эту фразу уже не в первый раз.

К счастью, Чжан Чжичэн, помня прошлый урок, не стал резко останавливать повозку.

— Хм. — Му Яо послушно прикрыл правую руку левой, а когда повозка остановилась, издал неопределённый звук.

— Я снова выйду посмотреть.

— Хорошо, только не вступай в конфликт.

— Мм.

Чэнь Цянь наблюдал, как дверь повозки, закрывшись, ещё несколько раз дрогнула, и слегка приподнял занавеску.

Он задумался, что отношения Фэн Ханя с тем пойманным фениксом, вероятно, были сложнее, чем тот сам себе представлял.

И, вероятно, произошло что-то, чего Фэн Хань не ожидал.

Но почему он пришёл к Му Яо, а не к Ван Цзинъюаню?

Похоже, было ещё что-то, чего Чэнь Цянь не знал. Но раз Му Яо не говорил, он и не собирался спрашивать.

Му Яо вернулся быстро и спокойно сообщил, что Фэн Хань собирается в гости к семье Ван. Ситуация становилась всё более странной, и всё сводилось к одной фразе —

Фэн Цзянь исчез с Чжунчжоу, точнее, практически растворился в воздухе!

Даже с помощью секретных техник клана Фениксов его местонахождение невозможно было определить.

Неудивительно, что обычно беззаботный и гордый старый феникс так запаниковал.

Чэнь Цянь не хотел видеть Фэн Ханя. Назовите это страхом или самообманом, но он просто не хотел его видеть.

Прошлое не стоило вспоминать, и оно точно не было приятным. Чэнь Цянь умел оценивать ситуацию и понимал, что тогда сопротивление не принесло бы пользы, поэтому выбрал подчинение. Ему было всё равно, что у него пили кровь, но можно сказать, что он сам себя успокаивал.

Это чувство было неприятным — быть связанным по расписанию. Может, слово «связанным» не совсем подходит, но именно это Фэн Хань пытался внушить Чэнь Цяню.

Беспомощность, как загнанный зверь.

Кажется, что загнанный зверь должен бороться, но это только потому, что люди не испытывали настоящего бессилия. Отчаяние убивает желание сопротивляться.

Чэнь Цянь не должен был отчаиваться, казалось бы. Но это только казалось.

Шея — жизненно важная точка для человека, и для горного kota тоже. Ощущение, когда твоя жизнь в чужих руках, невозможно понять, не испытав этого.

Позже, когда у него появилась сила сопротивляться, он вскоре оказался в долгу перед Фэн Ханем за спасение жизни. Прошлое было унижительным, но долг есть долг, и все эти годы смирения были его способом расплатиться, чтобы рассчитаться за всё.

Кроме того, даже если бы не этот долг, Фэн Хань, как правитель Западных гор, был единственным владельцем плодов Цзычэньгу, и Чэнь Цянь был обречён быть в его власти.

Как он мог хорошо относиться к Фэн Ханю? Позже Фэн Цзянь спас их, и этот долг он тоже признал. Поэтому он не мог не помочь Фэн Ханю.

Поэтому слова ученика лишь заставили Чэнь Цяня замолчать, он не стал возражать.

— Я поговорю с Фэн Ханем и не позволю ему встретиться с учителем в резиденции Ван. — Объяснение ученика немного успокоило Чэнь Цяня.

Повозка снова тронулась, проезжая через шумные жилые районы Лояна, направляясь к более тихому району возле бывшего императорского дворца. Теперь он был занят резиденцией губернатора Лояна, назначенного Цяньнином, который управлял близлежащими городами. Резиденция семьи Ван находилась неподалёку.

— И я точно не позволю ему пойти в Павильон Лotosового Корня. — Ученик, вероятно, не знал о конфликте между ним и Фэн Ханем, но был так внимателен, что, видимо, Чэнь Цянь слишком явно выражал свои переживания.

— Не нужно стараться специально, но если получится, будет лучше. — Чэнь Цянь не стал упрячиться. Забота ученика была ему приятна.

— Учитель, не волнуйтесь. — Глаза юноши были мягкими, но в глубине скрывался холод и решимость. Чэнь Цянь этого не заметил.

Резиденция семьи Ван была скромной снаружи. Под обычной внешностью скрывались роскошные интерьеры. Высокие ворота, богатые одежды.

Повозку сразу же забрал конюх, а Му Яо проводил Чэнь Цяня до Павильона Лotosового Корня, снова мимо декоративной стены, длинного коридора, пруда с лотосами и каменного моста. На месте ученик не спешил уходить.

— Учитель, посмотрите, что это. — Он улыбался, словно ожидая похвалы.

Во дворе стояли большие глиняные кувшины с лотосами и кувшинками, а рядом росло дерево альбиции, посаженное когда-то Чэнь Цянем.

На каменном столе под деревом лежала небольшая, но изящная шкатулка.

Му Яо подошёл и открыл её. Внутри лежали три шкатулки из древесины дикого зизифуса. Рядом были и другие коробки, все аккуратные и изысканные, что говорило о ценности их содержимого.

— Плоды Цзычэньгу. — Чэнь Цянь произнёс это как констатацию факта, его голос был спокоен, но в нём явно слышалась радость. Конечно, только близкие могли уловить эти эмоции в его ровном тоне.

Только сейчас Чэнь Цянь по-настоящему осознал, как вырос Му Яо. По сравнению с этим, постоянный двор «Кэлай» и мастерская деревянных изделий были лишь пробой сил.

— Мм, в других коробках лежат ингредиенты для трёх порций лекарства. Лучше самому подготовить всё для детоксикации, спокойнее будет. — Улыбнулся Му Яо. Всё, что касалось учителя, не терпело суеты.

— Действительно, лучше самому. — Он не удивился, что у ученика был рецепт, ведь его собственный рецепт он нашёл в библиотеке семьи Ван.

Разговаривая, Му Яо открыл шкатулку из древесины дикого зизифуса, показывая плоды. Они были веретенообразными, длиной с ладонь, чёрными с красным оттенком и едва заметным серебристым блеском. Они полностью соответствовали описанию в трактате «Десять тысяч лекарств Чжунчжоу» — это были зрелые плоды Цзычэньгу.

Чэнь Цянь был поражён и благодарен. Но даже если у Му Яо были эти вещи, он не жалел, что отправился в Лайу.

— Что ты хочешь? Учитель не может пользоваться твоей щедростью даром.